

Барабаш А.С.

к.ю.н., доцент кафедры уголовного процесса Красноярского госуниверситета

Практически в уголовно-процессуальной литературе современного периода общепризнанно, что целью уголовного процесса или уголовно-процессуального доказывания является достижение истины.¹ Она является одновременно целью и процесса и уголовно-процессуального доказывания в силу того, что «доказывание - центральный стержневой процесс всей уголовно-процессуальной деятельности, неотъемлемое свойство всего уголовного процесса. Поэтому цель доказывания не может в то же время не быть и целью уголовного процесса».²

Под истиной в большинстве случаев понимают точное соответствие наших знаний действительности. Именно этот момент подчеркивал М.С. Строгович, когда писал, что «Истина состоит в полном и точном соответствии действительности выводов следствия и суда об обстоятельствах рассматриваемого уголовного дела, о виновности или невиновности привлеченных к уголовной ответственности лиц.»³ Он, как и другие теоретики, давая понимание истины в уголовном процессе, отталкивался от того, какое содержание в нее вкладывалось в марксистско-ленинской философии. Это содержание переносилось в процесс адекватно, без критики.⁴ За примером далеко ходить не надо, достаточно обратиться к тексту фундаментальной работы по теории доказательств. Вот что мы там находим: «Под объективной истиной марксистская философия понимает такое содержание человеческих знаний, которое правильно отражает объективную действительность и не зависит от субъекта, не зависит ни от человека, ни от человечества».⁵ После прочтения возникает вопрос, а от кого же тогда зависит это знание, как может человеческое зна-

ние не зависеть от него, что, оно дается ему в готовом виде кем-то потусторонним?

Можно ли применительно к знаниям, которые мы обозначаем как истинные, говорить о том, что они точно соответствуют действительности? Любому исследованию присуща неустранимая зависимость от субъекта, его личности, индивидуального опыта и многого другого. Вот как об этом в свое время писал М. Монтень: «Восприятие сторонних предметов зависит от нашего усмотрения, ... Ведь, если бы мы воспринимали вещи, не изменяя их, если бы человек способен был устанавливать истину своими собственными средствами, то, поскольку эти средства присущи всем людям, истина переходила бы из рук в руки, от одного к другому... тот факт, что нет ни одного положения, которое не оспаривали бы или которое нельзя было бы оспаривать, как нельзя лучше доказывает, что наш природный разум познает вещи недостаточно ясно, ...»⁶ Приведенная характеристика не утратила свое значение и в наше время: окружающий мир не стал проще, а наоборот усложнился, да и природа человека не изменилась. Точное соответствие наших знаний действительности в каждый конкретный момент невозможно, жизнь динамична, ничто не остается неизменным. Говоря о точном соответствии наших знаний действительности, мы пытаемся остановить ее развитие, но это не в нашей власти. В лучшем случае мы констатируем то, что было, а не то, что уже есть. Но даже применительно к прошлому, каким бы оно не казалось нам простым, если мы ответственны, мы не можем утверждать, что наши знания точно соответствуют действительности, т.к. это означает подмену действительности нашими представлениями о ней. Любое локальное явление связано многими связями и отношениями с другими.⁷ Человек, обращаясь к познанию его, исходя из своих целей, обращает внимание на определенные связи и отношения, причем, выбор их зависит не только от целей человека, но и от того набора инструментальных средств, которыми он обладает, в первую очередь речь идет о понятиях, которые, в свою очередь, определяют цели человека. Человек воспринимает мир через понятия, которые сформированы у него

окружением, в свою очередь, члены этого окружения получили их от своего. И каждое понятие является результатом множества взаимодействий между людьми, заинтересованными в освоении того или иного участка действительности. При столкновении на нем, если каждый из них будет отстаивать истинность своего понятия, то это будет похоже на разговор слепого с глухим. Никто из нас не владеет совершенным понятием, поэтому никто не имеет права претендовать на истину, как точное соответствие знаний действительности. Совершенным понятие не может быть в силу того, что между любым понятием и той действительностью, которую отражает это понятие, всегда есть зазор. Именно это частичное несоответствие и побуждает к работе по уточнению понятия. Результат этой работы, с одной стороны, снимает несоответствие, которое было предметом работы, с другой – обнаруживает новое. Как неисчерпаема действительность, так и бесконечна работа по уточнению содержания понятия. Наглядный тому пример - проблема истины в философии. Философы уже не одно тысячелетие бьются над ней, по тем результатам, которых они достигли, можно судить, что проблема будет существовать столько времени, сколько отпущено человечеству. Возможно, именно отсутствие позитивных результатов вызвало глубокий скептицизм у ряда современных философов, которые в настоящее время считают, что вопрос истины относится к числу неразрешимых «метафизических» проблем, которые современная философия давно уже рассматривает как устаревшие и принципиально неразрешимые.⁸

При всех расхождениях в определении истины общим является выделение оценочного момента применительно к тем знаниям, которые доступны человеку. Наглядно это представлено суждениями Гоббса и Гегеля. Томас Гоббс считал истину свойством «наших суждений о вещах, а ни в коем случае не тем, что принадлежит самим объектам».⁹ Согласно Гегелю, «надо отказать от распространенной трактовки истины как точного соответствия нашего представления предмету, - в высшем и философском смысле, напротив, истина в своем абстрактном выражении вообще означает согласие неко-

того содержания с самим собой».¹⁰ В приведенном выше из «Теории доказательств в советском уголовном процессе» определении также упор делается на характеристике знания. Оценочный момент наиболее ярко проступает в работах авторов, которые пытаются конкретизировать содержание истины, исходя из специфики уголовно-правовой деятельности. В содержании истины в уголовном процессе они предлагают включить, кроме рассматриваемого, политическую и юридическую оценку.¹¹

Итак, получается, если знание точно соответствует действительности – оно истинно, если нет – ложно. Обращает на себя внимание тот факт, что в любом случае речь идет о знании, знании о чем-то. О чем? В этом вопросе как раз и содержится проекция цели, и когда цель реализована, мы получили знание, которое и можем оценивать с позиций его истинности. Но вряд ли будет смысл в такой оценке для того, кто осуществил акт познания, ведь соответствие им уже реализовано, без этого невозможно получение знания. В действительном акте познания выяснение соответствия – механизм получения достоверного знания,¹² реализуется он во время получения знания, а не после того, как оно получено. Достоверным оно будет тогда, когда приложимо к действительности, то есть найденное должно позволять успешно работать с действительностью, и каждый раз в тех же условиях давать один и тот же или близкий результат. Реализация приложимости - основа для дальнейшей познавательной деятельности. Такое понимание не фиксирует остановки в познании, переносит упор с субъективной ценности наших знаний на объективную и оно позволяет утверждать, что неправы те, кто считает, что понятие истины совпадает с понятием достоверности¹³. Достоверным является знание, которое подтверждено другими доказательствами, достоверность - доказательственная характеристика знания, а истина, так как ее понимают, - цель доказательственной деятельности. Результат и цель – это не одно и то же.

Может ли знание быть вероятным? Этот вопрос мы ставим только в силу одной причины - считается, что достоверность и вероятность это пар-

ные категории, характеризующие знание. Вероятность – это знание проблематичное, истинность которого не доказана. Знание проблематичное, недоказанное – это знание? Вряд ли такое понимание правомерно. Знание – это то, на что мы можем опереться в повседневной жизни, это то с помощью чего мы ее организовываем. Гипотезу и версию ведь мы не называем знанием, хотя основной признак у них тот же – проблематичность, они так же не доказаны, в основе их лежит определенная вероятность события. Прав был М.С. Строгович, когда писал, что «вероятность ... может служить ... только указанием того направления, в котором надлежит вести следствие ...».¹⁴ Так может быть стоит отказаться от такого словосочетания как «вероятное знание», а в каждом случае недоказанности утверждения говорить о гипотезе, в нашем случае, версии. Ведь именно работая с версией, мы при правильной организации работы с ней приходим к достоверному знанию, но можем и не придти. Если в этом месте, вместо версии, мы поставим вероятное знание, то получим странный вывод – вероятное знание может стать достоверным, но может оказаться и ложным, но знание и ложь понятия не совместимые. Там где есть знание не место лжи и наоборот.

Заданная сторонниками понимания истины как цели логика приводит нас к выводу о том, что истина не является целью деятельности, это понятие используется для оценки результатов деятельности. Косвенное подтверждение того, что истина не цель процесса, мы можем встретить и у тех, кто за сохранение этого понятия в процессе. Обозначая моменты, через которые истина становится конкретной, А.В. Гриненко в качестве одного из них указывает на цели. Он пишет: «в процессе познания истины необходимо четко представить себе предмет исследования, очерчивать его границы, выяснять цели, стоящие перед исследованием, определять задачи, которые необходимо разрешить в связи с возникшей необходимостью».¹⁵

Выше говорилось о выяснении соответствия действительности не итогового знания, полученного в ходе расследования и судебного рассмотрения уголовного дела, а информации. Если согласиться с тем, что истина есть

соответствие того вывода, к которому пришел суд, тому, что было в действительности¹⁶, то выяснение этого соответствия на практике – совершение нового преступления. Если в иных областях знания мы можем выяснить соответствие итогового знания действительности, то в уголовном процессе проверить соответствие полученных знаний прошлой действительности мы не можем, напрямую они не могут быть соотнесены. В этом моменте отражается специфика уголовно-процессуального познания. Знание о преступлении – это воссоздание в нашем сознании, на основе логической отработки имеющейся информации, непротиворечивой картины прошлого. Соответствие с действительностью возможно выявить, только если речь идет об имеющейся информации при соотнесении ее с информацией, снятой о том же, с другого следа. Вопрос о достоверности решается именно в отношении информации, но информация еще не знание следователя, прокурора, судьи. Логическая обработка достоверной информации дает нам знание, которое мы можем принять за основу решения.

Из всего сказанного выше следует вывод: понятие истины в познавательном процессе является неопределенным и вряд ли может организовывать познавательную деятельность. В данном случае мы согласны с А.Л. Чанышевым, который писал, что «теория вероятности - единственно научная теория познания».¹⁷ К такому же выводу приводит и анализ процесса формирования научного знания. Отдельный эмпирически установленный факт может лишь относительно подтвердить ту или иную гипотезу; по мере же установления других соответствующих фактов происходит возрастание вероятности того, что данная гипотеза является истинной, причем в науке такой процесс верификации теории (т.е. подтверждения ее практикой) происходит бесконечно, в связи с чем, «речь по существу может идти не о полной достоверности, а о более или менее высокой вероятности теории».¹⁸ Но это совсем не означает, что при расследовании уголовного дела выводы делаются на основе вероятности, оставляющей сомнение, неуверенность. Критерием познавательной уверенности «являются: соответствие сообщения действительности, взаим-

ное соответствие сведений друг о друге и их практическая проверка»,¹⁹ которая осуществляется в рамках опытных действий. Фейербах подчеркивал необходимость постоянного взаимодействия мышления с опытом, называя это взаимодействие «диалогом», в нем он видел существенное проявление «истинной диалектики».²⁰ В рамках такого диалога мы и получаем знания, когда существующие у нас предположения, версии, построенные на основе первоначально полученной информации, соотносим с действительностью, получая новые доказательства, которые предположение переводят в уверенность. В подобном аспекте практика это не результат нашей деятельности, а сама деятельность, процесс, в ходе которого выковываются знания. Знания же, в свою очередь, при переводе их в действительность могут служить основанием для новой практики.

Предлагая вывести из уголовно-процессуального оборота понятие «истины» как цели деятельности мы исходим не из того, что мир непознаваем. Следует согласиться с высказыванием Ф. Энгельса, который писал, что «человеческое мышление столь же суверенно, как несуверенно, и его способность познавать столь же неограниченна, как и ограничена. Суверенно и неограниченно по своей природе, призванию, возможности, исторической конечной цели; несуверенно и ограничено по отдельному осуществлению, по данной в то или иное время действительности».²¹ Согласие с приведенным высказыванием позволяет утверждать, что вопрос о познаваемости мира и вопрос о возможности достижения истины - вопросы из разных плоскостей. Мир, в исторической перспективе, вообще познаваем, но возможность достижения истины, как ее понимают, в каждом конкретном случае проблематична. Для подтверждения этого хочется привести еще одно высказывание Ф. Энгельса, он писал: «то, что ныне признается истинным, имеет свою ошибочную сторону, которая теперь скрыта, но со временем выступит наружу; и совершенно также то, что признано теперь заблуждением, имеет истинную сторону...».²² Достижение истины в каждом конкретном случае проблематично именно в силу того, что к живой, постоянно развивающейся и изменя-

ющей действительности подходят с меркой другого уровня – понятием «истины». В рамках философских конструкций, говоря об исторической перспективе познания можно и нужно его связывать с истиной, как нам кажется, Ф. Энгельс именно так и поступает, но, когда речь идет о конкретном познавательном акте, он подчеркивает уже иной момент – несuverенность и ограниченность познания. В тех же случаях когда эти моменты не разграничиваются и, оценивая действительность, относятся к ней с позиции исторической перспективы появляются утверждения, в которых с одной стороны признается возможность безвозвратной утраты судебных доказательств, а с другой, утверждается, что эта трудность практического характера может и должна быть преодолена в практике уголовного судопроизводства и само по себе существование таких ситуаций ни при каких условиях не может умалять принципиального положения марксистско-ленинской философии о возможности и необходимости познания объективной истины.²³ Более правильным является подход в силу, которого вывод «о возможности раскрытия всякого преступления верен применительно к понятию преступления как вида или типа, но он иногда оказывается несостоятельным в отношении конкретного уголовного дела».²⁴

Как нам кажется, утверждая возможность достижения истины при расследовании конкретного преступления сторонники этого подхода исходят из того, что в рамках уголовного процесса познается прошлое, совершившееся уже деяние и о развитии его говорить уже не приходится. Это так, но непосредственно познать преступление мы не можем. Работаем мы со следами, которое оно оставило, и которые под влиянием объективных и субъективных факторов находятся в постоянном изменении, изменяются они и при нашей работе с ними. Если, говоря об уголовно-процессуальном познании, за точку отсчета брать не событие прошлого, а оставленные им следы, то меняется и отношение к истине как цели уголовно-процессуальной деятельности.

Завершая этот фрагмент, стоит обратить внимание на то, какие выгоды несет отказ от понимания в качестве цели уголовного процесса истины.

I. Снимается спор о том, является ли истина целью или принципом уголовного процесса.²⁵ 2. Пропадает основа для разногласий о содержании истины, устанавливаемой в процессе: если в традиционном понимании истины в ее содержание практически все авторы включали соответствие установленных обстоятельств действительности, то относительно квалификации и определения наказания подобного единодушия не наблюдается. Применительно к первому уже отмечалось, что проблематично говорить о точном соответствии наших знаний действительности, когда речь идет об установлении обстоятельств совершенного преступления. Ведь устанавливая их, мы ведем речь об основных сторонах, связях и отношениях, отказываясь от всей многозначности преступления как факта социальной действительности. Деятельность по квалификации преступления, на наш взгляд, вообще не входит в сущность уголовно-процессуальной деятельности, она начинается после того, как последняя уже закончена, это не суть познавательная, а оценочная деятельность применительно к тому, что уже установлено в рамках уголовного процесса. Наше время с особой наглядностью демонстрирует непостоянство многих оценок: изменяются экономические и социально-политические условия жизни общества, меняются и прежние оценки. То, что было ценным вчера и подлежало охране, перестает быть таковым, а то и признается вредным. Деяния не перестают существовать, но какая оценка является истинной, вчерашняя или сегодняшняя?

СНОСКИ И ПРИМЕЧАНИЯ

1. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. Т. 1. М., 1968. С.40; Курылев С.В. Основы теории доказывания в советском правосудии. Минск, 1969. С.24-38.; Фаткуллин Ф.Н. Общие проблемы процессуального доказывания. Изд. второе, дополненное. Казань. 1976. С. 16-25; Строгович М.С., Алексеева Л.Б., Ларин А.М. Советский уголовно-процессуальный закон и проблемы его эффективности. М., 1979. С. 226; Алексеев Н.С., Даев В.Г., Кокорев Л.Д. Очерк развития науки советского уголовного процесса.

Воронеж, 1980. С.46; Зинкович В.В. Понятие защиты в советском уголовном процессе//Актуальные проблемы советского уголовного процесса. Свердловск, 1987. С.642; Басков В.И. Истина в уголовном судопроизводстве//Вестн. Моск. Ун-та. Сер. 11. Право. 1995, №3. С.38 и др. Однако, следует заметить, что как раньше, так и теперь были и есть авторы, ставящие под сомнение правильность выдвигания в качестве цели истины. (См., например, Тадевосян В.С. К вопросу об установлении материальной истины в советском уголовном процессе//Советское государство и право. 1948. № 6. С. 66; Голунский С.А. Вопросы судопроизводства и судоустройства в новом законодательстве Союза ССР. М., 1959. С. 122.) Но предлагаемое взамен вряд ли может удовлетворить нужды правоприменительной деятельности. Так Е.Б. Мизулина предлагает в качестве специфической цели - недостижение неистины.(Мизулина Е.Б. О модели уголовного процесса//Правоведение, 1989, №5. С.50), а В.В. Никитаев, отказываясь говорить об объективной истине, вместо нее предлагает рассматривать процессуальную. (Никитаев В.В. Проблемные ситуации уголовного процесса и юридическое мышление. Состязательное правосудие: труды научно-практических лабораторий. М., 1996.)

2. Элькинд П.С. Цели и средства их достижения в советском уголовно-процессуальном праве. Л., 1976. С.33.

3. Строгович М.С. Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе. М., 1955. С.19.

4. Не обращалось внимание даже на такие пассажи, как это высказывание: «истина существует независимо от того, доказана она или нет». (Копнин П.В. Формы мышления и их роль в познании //Дисс. д-ра филос. наук. М., 1955. С.38.) Получается, что истина, что действительность – одно и то же. Истина объективизируется, хотя не перестает быть связанной с человеческими знаниями. Если согласиться с этим, то природа не только существует по определенным закономерностям, но сама же их и обнаруживает. Но все не так. Закономерности обнаруживает не она, а тот, кто ее изучает. Значит, истина не может существовать вне человека и если истина относится к характе-

ристике знаний, – она должна быть доказана. Такое понимание характера истины понемногу находит свое место в уголовно-процессуальной литературе. У А.В. Гриненко находим: *«Истина сама по себе, являясь продуктом умственной деятельности, не может быть объективной, как не может быть объективным любое отражение предмета взамен самого предмета.»* (Гриненко А.В. Система принципов и цель производства по уголовному делу //Правоведение. 2000. № 6.с.185.)

5. Теория доказательств в советском уголовном процессе. М., 1973. С.45.

6. Монтень М. Опыты. В 3-х книгах. Кн. 2. М., 1991. С.357-358.

7. «Даже самые малые предметы имеют бесчисленное множество отношений. Ограниченный человеческий ум их не может понять, так как охотно полагает, будто отношения, которых он не замечает, вовсе не существуют.» (Таранов П.С.. Мудрость трех тысячелетий. М., 1997. С.641.)

8. Большаков Н.В., Грехнев В.С., Добрынина В.И. Основы философских знаний. М., 1995. С. 175.

9. История философии в кратком изложении. М., 1991. С. 382.

10. Цит. по кн.: Кузнецов В.Н. Немецкая классическая философия второй половины 18 – начала 19 века. М., 1989. С.204.

11. См.: Ривлин А.М. Понятие материальной истины в советском уголовном процессе. М., 1951. С.47; Пашкевич П.Ф. Объективная истина в уголовном судопроизводстве. М., 1961. С.18.

12. О достоверности как результате доказывания см.: Филимонов Б.А. Основы теории доказательств в германском уголовном процессе. М., 1994. С. 36-37, 76.

13. Как совпадающие их рассматривали: Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. Т. 1. М., 1968. С. 326; Белкин Р.С. Собрание, проверка и оценка доказательств. М., 1966. С. 59.

14. Строгович М.С. Указ. соч. С. 328.

15. Гриненко А.В. Система принципов и цель производства по уголовному делу. С. 187.
16. Строгович М.С. Избранные труды. В 3-х т. Т. 3. Теория судебных доказательств. М., 1991. С.17.
17. Чанышев А.Н. Курс лекций по древней и средневековой философии. М., 1991. С.167.
18. Ракилов А.П. Анатомия научного знания. М., 1969. С. 176.
19. Лингард И. Процесс и структура человеческого учения. М., 1970. С.510.
20. Фейербах Л. Избранные философские произведения. 2 Т. М., 1955.
21. Энгельс Ф. Анти-Дюринг, М., 1969. С. 84. См. также: Андреев И.Д. Пути и трудности познания. м., 1968. С.162.
22. Маркс К., Энгельс Ф. т. 21. с. 302-303.
23. Элькин П.С. Цели и средства их достижения в советском уголовно-процессуальном праве. Л., 1976. С. 34.
24. Резник Г.М. Оправдание за недоказанностью// Советская юстиция, 1969, № 15. С. 12.
25. В качестве принципа истину рассматривали Т.Н.Добровольская, В.П.Нажимов и др. авторы. См.: Добровольская Т.Н. Принципы советского уголовного процесса. М., 1971. С. 21-34; Нажимов В.П. Развитие системы демократических принципов советского уголовного процесса в свете новой Конституции СССР//Развитие науки и практики уголовного судопроизводства в свете требований Конституции СССР. М., 1978. С. 32-34.